

Явно притворяясь неприступным, он в то же время произносил слова, которые делали его совершенно беззащитным.

Мо Цзиньхань смотрел в его влажные глаза. В них отражались все чувства: словно брошенный зверек, который внезапно нашел дорогу домой — переполненный обидой, но при этом ни за что не желающий признавать поражение.

Когда он подобрал его когда-то, тот был точно таким же. Бедный малыш, не желающий признавать свою слабость.

— Значит, по-моему? — Мо Цзиньхань со скрытым смыслом повторил его слова.

Неизвестно, уловил ли Жуань Вэньюй едва заметную перемену в его тоне, но он лишь издал невнятный звук, похожий на носовое хмыканье. Это прозвучало так, будто он пытался огрызнуться, но не имело ни капли угрозы. При этом губы его были сурово сжаты — видимо, он считал, что выглядит очень холодно и надменно, и что его маскировка безупречна.

Мо Цзиньхань смотрел на него, и выражение его лица смягчилось. Холод и строгость, застывшие в чертах, словно скрылись за дождевым туманом, уступая место едва уловимой нежности.

— Тогда иди принимай душ и переодевайся, — сказал Мо Цзиньхань. — И чтобы впредь, как бы ты ни спешил, под дождем не мок. Слышишь?

Это не было вопросом — это было распоряжение, не терпящее возражений.

— Я вовсе не спешил, — Жуань Вэньюй совершенно не хотел признавать, что в тот миг, когда он увидел его спустя три года, разум просто отказал, и опомнился он лишь тогда, когда уже стоял перед ним.

— Разве не по-моему? — Мо Цзиньхань наконец протянул руку и слегка потер крошечную, приметную черную родинку на его лице.

Жуань Вэньюй невольно зажмурился. От теплого, чуть шероховатого прикосновения сердце бешено заколотилось, а кровь прилила к тому самому месту, словно крича о глубоко скрытом внутри волнении.

— Врешь, совсем не по-твоему! — Жуань Вэньюй тут же отбил его руку и, с пылающим лицом, пулей помчался вверх.

Он даже не подумал о том, чтобы снять обувь. Промокшие насквозь ботинки оставляли на идеально чистом, зеркальном полу грязные черные следы, которые выглядели пугающе отчетливо.

Стоявшая поблизости служанка испуганно замерла. Она поспешно схватила инвентарь для уборки, с опаской поглядывая на лицо Мо Цзиньханя. Но мужчина был на удивление спокоен, даже бровью не повел.

— Малыш Юй только вернулся, а молодой господин уже его обижает, — проговорил дядя У, входя в дом и закрывая зонт. До этого он стоял позади, не желая мешать их разговору.

Мо Цзиньхань встретился с ним взглядом:

— Обижает?

— У него лицо от злости покраснело, — ответил дядя У.

Мо Цзиньхань это видел. Жуань Вэньюй не умел скрывать эмоции и был крайне восприимчив к насмешкам — любое слово или жест могли заставить его покраснеть, так было с самого детства. Но он всегда ужасно стыдился своей девичьей застенчивости, поэтому, заливаясь краской, либо сбегал с места преступления, либо упорно твердил, что покраснел от жары.

— Это не от злости, — спокойно констатировал Мо Цзиньхань. — Это потому, что я до него дотронулся.

Разве это не издевательство? — подумал дядя У. Кто в этом доме не знает, что у Жуань Вэньюя тонкая натура и сильная подозрительность? Он никогда не любил, когда к нему приближаются, не говоря уже о прикосновениях.

— Главное, что молодой господин сам все понимает, — дядя У решил вступить за бедного ребенка. — Вы посмотрите, какой он худой. Последние три года ему явно пришлось несладко. Раз уж все проблемы решены и он вернулся, будьте с ним помягче.

Мо Цзиньхань опустил взгляд на черные следы у входа. Представив этот хрупкий силуэт, он тихо ответил:

— Благодарю за заботу, дядя У.

— Лишь бы молодой господин не счел меня назойливым.

— ...

Они обменялись еще парой фраз. Расстояние было большим, и прислушиваться было утомительно. Убедившись, что разговор больше не касается его, Жуань Вэньюй наконец повернулся и зашел в комнату.

А Мо Цзиньхань внизу, словно предчувствуя это, вовремя замолчал. Бросив быстрый взгляд на лестницу, он негромко распорядился:

— Принеси ему имбирный чай, а к ужину подай запасные тапочки.

Дядя У кивнул.

Спальня была оформлена в стиле минимализма с элементами холодного люкса, украшенная мебелью с металлическими вставками. В целом комната казалась немного мрачной, но когда загорался теплый свет, простые тона обретали особую таинственность.

Рядом с огромной кроватью располагалось панорамное окно с прекрасным видом, но Жуань Вэньюй, прожив здесь тринадцать лет, ни разу не открывал шторы. Он не любил дождливые дни, боялся их, и поэтому подсознательно не хотел видеть, как меняется погода за стеклом.

Звукоизоляция в комнате была отличной, но дождь лил стеной, сопровождаемый раскатами грома. Даже пытаясь не обращать внимания, он все равно слышал этот непрекращающийся шум. Казалось, капли стучали не по подоконнику или полу, а прямо по нему, по самому сердцу.

Раздражение и тревога нарастали. Полумрак, словно плотная сеть, окутывал его. Руки Жуань Вэньюя, опущенные вдоль тела, начали непроизвольно дрожать.

Однако стоило ему увидеть на стене ту огромную цветную картину маслом, как шум дождя в ушах мгновенно стих.

Жуань Вэньюй глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Он снял грязные ботинки, оставил их в ванной, а затем взял тряпку, чтобы вытереть следы в коридоре.

Когда он вошел, то перепачкал весь пол, но Мо Цзиньхань словно не заметил этого, даже не подумав разозлиться. Неужели за три года разлуки его патологическая чистоплотность прошла? Или ему уже стало все равно? Теперь, что бы он ни делал, Мо Цзиньхань воспринимал его как пустое место.

Жуань Вэньюй сидел на корточках, его худощавая фигура казалась такой одинокой и печальной в пустом коридоре. Если ему все равно, зачем он дотронулся до его лица?

Жуань Вэньюй тыльной стороной ладони яростно потер то место, к которому прикоснулся Мо Цзиньхань, но спустя мгновение не удержался и снова осторожно провел по нему кончиками пальцев.

Мо Цзиньхань... Мо Цзиньхань, неужели ты ко мне совсем равнодушен, мерзавец?

— Малыш Юй, почему ты еще не в душе? А если простудишься? Выпей скорее имбирный чай,
— голос дяди У вырвал его из уныния.

Жуань Вэньюй поднялся, бросил взгляд на лестницу и принял чашку из его рук:

— Спасибо, дядя У.

— Ох, ну что ты за человек, не мог подождать меня? Обязательно было бежать под ливень, — дядя У с жалостью смотрел на него. — Молодой господин ведь стоял у входа, никуда бы не делся, чего так спешить?

Жуань Вэньюй не хотел, чтобы его мысли так бесцеремонно выставляли напоказ, и тут же начал оправдываться:

— Я спешил в дом, а не к нему.

Дядя У беспомощно улыбнулся, подыгрывая ему:

— Хорошо-хорошо, как скажешь. Иди скорее принимай горячий душ, пол скоро уберут, не тебе этим заниматься.

Жуань Вэньюй ответил согласием. Он начал чувствовать холод, но все же дотер последние грязные пятна на полу, прежде чем с чашкой чая вернуться в комнату.

После душа он лег на кровать и застыл, глядя в потолок. Даже когда его и Мо Цзиньхана здесь не было, все оставалось чистым, уютным и минималистичным — все было точно так же, как три года назад.

На мгновение показалось, что эти три года были лишь страшным сном. Конечно, даже если бы он проснулся, он не почувствовал бы облегчения — он все равно злился бы на Мо Цзиньхана.

Больше всего на свете он боялся и ненавидел быть брошенным. Тот человек прекрасно это знал, но все равно поступил так. Поэтому, даже если это был просто сон, он не собирался его прощать, а уж тем более — когда все это происходило на самом деле.

Но нужно ли Мо Цзиньханю его прощение?

При этой мысли сердце Жуань Вэньюя снова болезненно сжалось.

<http://bllate.org/book/20910/2114579>